

Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта

English version: [Nourkova V.V, Dnestrovskaya M.V., Mikhailova K.S. Cultural life script as a dynamic semantic structure of autobiographical experience \(re\)organization](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Раскрывается понимание культурного жизненного сценария как культурной модели последовательности наиболее значимых для жизни человека событий. Сценарий воплощается в индивидуальный автобиографический нарратив, интегрирующий сценарные воспоминания и индивидуальную эмпирику жизненного опыта. В основу эмпирического исследования (N = 60) была положена гипотеза о том, что культурные жизненные сценарии обладают динамичной внутренней семантикой, которую можно эксплицировать при анализе распределения семантических индикаторов в автобиографических текстах. Показано, что в жизненном сценарии, ориентированном на конституирование «автономного я», присутствуют периоды с ярко выраженными предписаниями связанности. В жизненном сценарии, ориентированном на «связанное я», присутствуют периоды с повышенными требованиями к автономности. Такими периодами являются детство и старость. Полученные данные свидетельствуют о том, что процесс переопосредствования субъективной картины жизненного пути с помощью интериоризированного культурного жизненного сценария может происходить неоднократно в течение жизни в случае существенного изменения культурного контекста.

Ключевые слова: автобиографическая память, автобиографический нарратив, культурный жизненный сценарий

Когда человек вспоминает прошлое, он создает свою историю в соответствии с ценностями той культуры, к которой принадлежит. Поэтому анализ автобиографического нарратива – это одновременно и способ понимания индивидуальных психологических характеристик, и путь познания системы культурных требований к человеческой личности. Как верно замечал Дж.Брунер, культуру характеризуют предлагаемые ею нарративные модели описания хода жизни [Брунер, 2005].

В связи с этим возникает ряд вопросов. Распространяется ли культурная детерминация как на формальные (номенклатура воспоминаний) так и на семантические (способ переживания) характеристики историй жизни? Является ли семантика культурной модели истории жизни статичной или можно выявить динамику ценностных предписаний относительно проживания и воспоминания различных периодов жизни человека? Осваивает ли человек подобные модели однократно или возможно гибкое переформатирование субъективной картины прошлого при адаптации к новому культурному контексту?

1. Соотношение социально типичных и уникальных событий в автобиографических воспоминаниях россиян

«Каждый человек незаменим, а жизнь его неповторима», – утверждал выдающийся психолог Виктор Франкл. Не пытаюсь оспорить этическую правоту данного высказывания, зафиксируем эмпирический факт: уникально прожитые жизни оставляют в памяти людей достаточно схожие воспоминания.

В рамках комплексного проекта по исследованию автобиографической памяти нами были проанализированы 334 протокола методики «Линия жизни», при выполнении которой от респондентов требуется нанести на ось времени наиболее запомнившиеся события прошлого [Нуркова, 2000]. В результате были получены данные о частотности воспоминаний различного содержания. Всего на временную ось было нанесено 1206 воспоминаний в мужской подгруппе (124 респондента) и 2186 – в женской (230 респондентов).

Наиболее частотными в мужской выборке оказались события: рождение ребенка (79% респондентов), смерть близкого родственника (68%), вступление в брак (70%), путешествие (70%), поступление в вуз (44%), поступление в школу (37%), первая любовь (32%), новая работа (32%), первая работа (32%). Взятые в совокупности, наиболее частотные воспоминания составили 46% от всех упомянутых событий, в то время как на долю оригинальных воспоминаний (например, «первое слово ребенка» или «мечь») пришлось всего 7% массива воспоминаний.

Схожая картина наблюдалась и в женской выборке. Наиболее частотным воспоминанием также являлось рождение ребенка (82% респондентов), вступление в брак (75%), смерть близкого родственника (72%), поступление в вуз (72%), поступление в школу (69%), окончание школы (57%), поступление ребенка в вуз (38%), переезд (38%), новая работа (33%). Суммарно наиболее частотные воспоминания составили 56% от всех упомянутых респондентами, а уникальные – 8% (например, «брат сунул мне в рот одуванчик» или «разлюбила»).

Как видно из приведенных выше данных, типичные истории жизни мужчин несколько более центрированы на себе и на профессиональной деятельности чем типичные истории жизни женщин, но, что особенно важно, ни в тех ни в других психологическая автобиография не совпадает с социологической биографией. Так, например, согласно статистике, в том поколении, к которому принадлежали респонденты, распадалась почти половина заключенных браков. Однако событие «развод», безусловно, значимое для жизни человека, и статистически вероятно имевшее место в их прошлом, вспоминалось лишь 14% женщин и 8% мужчин. Следовательно, сходство воспоминаний нельзя свести исключительно к сходству прожитых жизней. Причем можно допустить не только очевидное умалчивание реально случившихся событий, но и дополнение жизненных историй событиями, которых в реальности не было.

Иными словами, за процессом транспонирования индивидуально вариативного жизненного опыта в устойчиво воспроизводимый в социальном контексте автобиографический нарратив (в данном случае эксплицированный в результате применения методики «Линия жизни») логично обнаружить культурную модель типичной судьбы человека. В современной психологии данная модель, определяющая высокую селективность и единообразность жизненных историй, чаще всего концептуализируется в понятие «культурный жизненный сценарий».

2. Культурный жизненный сценарий как

теоретический и эмпирический концепт в современной психологии

2.1. Проблема тематики автобиографических воспоминаний: социокультурная типичность vs уникальность

Согласно определению, данному Д.Бертсен и Д.Рубиным, культурный жизненный сценарий (КЖС) – это разделяемые большинством членов культурной общности представления о типичном содержании и «расписании» жизненных событий, а также приписываемой им значимости и валентности [Berntsen, Rubin, 2004]. Практически одновременно сходный по семантике термин «культурный концепт биографии» был предложен С.Блак и Т.Хабермасом [Bluck, Habermas, 2000].

К настоящему времени проделана большая работа по выявлению КЖС у представителей различных культур, определены как универсальные, так и культурно специфичные характеристики данной когнитивной структуры [Rubin, Berntsen, Hutson, 2009]. В качестве стандартной процедуры исследования КЖС используется методика, предложенная Д.Бертсен и Д.Рубиным, где респондентов просят представить жизнь типичного человека и описать наиболее значительные и вероятные события его жизни, дополнительно указывая эмоциональную валентность данных событий и обычный возраст их наступления.

На российской выборке исследование по аналогичной методике было проведено нашим коллективом дважды, в 2004 и 2011 гг. [Нуркова и др., 2005; Алюшева, 2011]. Российский культурный жизненный сценарий составили такие события, как поступление в школу (58%), первая любовь (35%), окончание школы (44%), поступление в вуз (61%), вступление в брак (63%), рождение ребенка (53%), первая работа (36%), что в целом согласуется с европейским КЖС.

Сопоставление номенклатуры событий в КЖС и высокочастотных воспоминаний показывает, что наиболее частотными являются именно сценарные воспоминания. Д.Глак и С.Блак, обследовав австрийскую выборку пожилых респондентов, продемонстрировали, что около половины воспоминаний, включенных в историю жизни, совпадают с содержанием КЖС [Gluck, Bluck, 2007]. Аналогичные данные получены нами на российской выборке (см. начало статьи). Более того, взрослые российские респонденты в 80% случаев указывали именно «сценарное» событие в качестве самого важного в своей жизни [Нуркова, 2011]. Эмпирические данные свидетельствуют о максимальной содержательной наполненности и дифференцированности структуры КЖС относительно юности и молодости, что ведет к закономерной трансформации автобиографической памяти – феномену «универсального пика воспоминаний», то есть непропорционально высокому количеству воспоминаний, относимых к указанному периоду жизни [Berntsen, Rubin, 2004].

Важно отметить, что содержание и структура КЖС осваиваются в ходе социализации подростка еще до наступления составляющих его событий. Установлено, что уже 15-летние подростки при выполнении инструкции написать эссе о своей будущей жизни включают в него до 60% сценарных событий [Bohn, Bertsen, 2008]. В нашем исследовании также не было выявлено значимых различий между представлениями о КЖС, полученными от респондентов юношеского возраста и взрослых [Нуркова, 2011].

Таким образом, подтверждается сформулированное нами ранее понимание сути КЖС как фактологического уровня организации концепта судьбы [Нуркова, 2000]. КЖС представляет собой культурно обусловленное семантическое знание о типичном для конкретного социально-исторического времени событийного состава человеческой жизни (скорее всего, в форме «житейского» понятия в терминологии Л.С.Выготского), которым обладают даже те люди, которые никогда не переживали событий, включаемых в сценарий [Janssen, Rubin, 2010].

Роль КЖС относительно индивидуальных историй жизни заключается, во-первых, в инициировании кодирования в памяти событий, согласующихся со сценарием (это принято помнить); во-вторых, в поощрении многократного их воспроизведения в рамках социальных практик (это принято вспоминать и рассказывать); и, в-третьих, в материализации памяти во внешних артефактах (такие мнемические «ключи», например фотографии, принято хранить).

КЖС, представляя собой идеальную культурную форму (по терминологии Л.С.Выготского), находит свое материальное и, следовательно, доступное для исследования выражение в автобиографической продукции конкретного человека, представляющей собой сложную композицию сценарного и несценарного, типичного и уникального материала. Именно усреднение полученных различными методиками автобиографических данных позволяет описать интересующие авторов параметры КЖС. На сегодняшний день наиболее изучено хронологическое распределение событий в КЖС («универсальный пик воспоминаний» и изоморфный ему факт максимальной представленности событий юности и молодости в КЖС) и номенклатура событий-воспоминаний (совпадение наиболее частотных воспоминаний и содержания КЖС). Также внимание исследователей направлено на оценку феноменологических характеристик воспоминаний, детерминированных содержанием КЖС (высокая эмоциональная насыщенность, ассоциированность с образом воспоминания, субъективная яркость и детальность и др.).

2.2. Проблема центрированности автобиографических воспоминаний «на себе» или «на других»: индивидуалистическая vs коллективистическая ориентация автобиографической памяти

Заметим, что в последнее время среди зарубежных исследователей микроструктуры автобиографической памяти наблюдается переориентация на изучение содержательных аспектов воспоминаний, что можно условно назвать «семантическим поворотом». Например, ведется цикл кросс-культурных исследований, сфокусированных на степени выраженности в изолированных воспоминаниях одного из наиболее популярных в современной психологии параметров дифференциации культурно-зависимых характеристик личности – преобладающей ориентации на автономное / связанное я (autonomous / related self) [Kagitcibasi, 2007]. Понятие «автономного я» предполагает субъективный приоритет личности над группой, ориентацию на индивидуальные цели и интересы. Понятие «связанного я», наоборот, подчеркивает включенность личности в систему социальных и межличностных связей, где групповые цели и интересы доминируют. К указанным конструктам в культурологической литературе наиболее близка оппозиция «коллективизма» и «индивидуализма», которая является преобладающей и в типологии различий между культурами [Markus, Kitayama, 1991; Triandis, 1994; Hofstede, 2004; Schwartz, 2004].

Показано, что уровень проявления данного параметра устойчиво присутствует в характеристиках как ряда случайно актуализированных воспоминаний («называйте воспоминания в том порядке, в котором они приходят в голову»), так и в «самоопределяющих» автобиографических воспоминаниях [1], которые в значительно большей степени релевантны КЖС как культурной модели последовательности наиболее значимых для жизни человека событий.

Например, американцы спонтанно воспроизводят в среднем вдвое больше воспоминаний индивидуалистического содержания (личных достижений, разочарований, страхов, ночных кошмаров), чем китайцы. В воспоминаниях американцев преобладают упоминания себя самого и индивидуальные действия, а в воспоминаниях китайцев – упоминания других людей и коллективные действия [Conway, Wang, HanYu, Naque, 2005]. Опрашивая австралийскую и азиатскую (китайцы, японцы, корейцы) выборки респондентов о событиях, которые «сформировали их личность», Джобсон и О'Кирни [Jobson, O'Kearny, 2008] установили, что австралийцы воспроизводят значительно большее количество воспоминаний, ориентированных на личностную автономию (например, академические и спортивные успехи), в то время как у уроженцев Азии доминируют воспоминания

с ориентацией на социальные связи (например, отношения с однокурсниками, членами семьи или соседями). Аналогичные результаты получены при сравнении немецких и индийских студентов [Demuth, Chaudhary, 2011].

Высокая согласованность полученных результатов указывает на культурную специфику автобиографической памяти представителей индивидуалистических культур как «сфокусированную на себе» в противоположность памяти представителей коллективистических культур как «сфокусированной на других». Исходя из понимания автобиографической памяти как одного из главных ресурсов формирования и поддержания идентичности [Нуркова, 2004], можно считать доказанным наличие причинно-следственной связи между свойствами культуры, семантикой автобиографических воспоминаний и социально желательным типом личности (см. рис. 1). В коллективистически ориентированных культурах людям предписывается помнить события с акцентом на социальные взаимодействия, а в индивидуалистически ориентированных – с акцентом на личную активность. Впоследствии обусловленные культурой «настройки» автобиографической памяти становятся селектором относительно эмпирики жизненного опыта и определяют интерпретацию происходящих жизненных событий [Conway, 2005].

Рис. 1. Модель «Культурная модель личности – Автобиографическая память – Личность» [Conway, 2005].

Согласимся, что такой теоретический подход достаточно адекватно описывает реальные механизмы культурного развития личности. В частности, подтверждает положение о том, что измерение коллективизма – индивидуализма культуры, к которой принадлежит человек, формирует систему его самоописания и, таким образом, побуждает продуцировать воспоминания определенного типа. Однако, с нашей точки зрения, это влияние это носит не прямой характер, оно опосредствовано процессом освоения КЖС. Именно КЖС является тем культурным агентом, в котором представлена хронологически интегрированная в целостную систему номенклатура значимых для человеческой жизни событий и социотипичные особенности стиля их проживания.

Можно утверждать, что процесс формирования и использования автобиографической памяти представляет собой одну из социальных практик воспроизводства культурного менталитета [Нуркова, 2008]. При этом формально идентичные события могут иметь в нарративе принципиально различное лексическое выражение, отражающее, с одной стороны, признаки максимально желательного в данной культуре типа взаимодействия личности с окружающими и с

самой собой, а с другой – текущий мотивационный статус рассказчика [Нуркова, 2010].

В связи со сказанным выше углубление понимания роли КЖС в формировании личности, конгруэнтной доминирующему культурному профилю через предполагаемый нами общий механизм целенаправленного создания системы соответствующих культурным ориентациям конструктов самоописания, требует усиления в исследовательской проблематике аспекта семантического анализа КЖС. Для этого, в первую очередь, следует выяснить, насколько закономерности культурной детерминации семантического состава единичных воспоминаний могут быть распространены на целостный автобиографический нарратив и, следовательно, на стоящий за ним КЖС.

2.3. Проблема статичности-динамичности культурных жизненных сценариев

Важно отметить, что приведенные выше исследования исходят из тезиса о стабильности пропорции вербальных индикаторов того или иного культурно значимого личностного свойства в мнемической продукции для воспоминаний, полученных с помощью различных методик и относящихся ко всем возрастным этапам прошлого человека (см. обзор [Нуркова, 2011]). Прямым следствием этого является представление о том, что и КЖС культурной общности с определенным уровнем выраженности того или иного дифференцирующего параметра (например, коллективизма или индивидуализма) равномерно насыщен соответствующей семантикой.

С нашей точки зрения, продуктивной может быть альтернативная гипотеза о *динамическом* характере КЖС, когда различным ролевым интервалам человеческой жизни предписывается специфический семантический профиль. Например, допустимо предположить, что в различных сферах жизни и деятельности человека ориентации на коллективизм и индивидуализм могут быть выражены в разной степени, что найдет свое отражение в неравномерном распределении соответствующих индикаторов в сценарных воспоминаниях, относящихся к различным жизненным этапам и/или жизненным темам. Иными словами, вспоминая об одном жизненном этапе человек, будет мыслить себя коллективистом, а вспоминая о другом – индивидуалистом, при этом в целостном представлении о своей личности и своем жизненном пути оба параметра будут интегрированы таким образом, что суммарная направленность КЖС сохранит согласованность с общей культурной ориентацией.

В пользу принципиальной возможности динамичного «переформатирования» семантики воспоминаний в соответствии с текущим фокусом самоидентичности личности говорят данные, полученные недавно Кай Ванг [Wang, 2008]. 120 американцев китайского происхождения должны были вспомнить наиболее важные события их прошлого. Процесс воспоминания предварялся специальной процедурой: половину группы просили мысленно сконцентрироваться на их китайской идентичности, а половину – на американской. Результаты показали, что фокусировка на американской идентичности провоцировала более эгоцентричные воспоминания, а фокусировка на китайской идентичности – более социально ориентированные.

3. Эмпирическое исследование

3.1. Гипотезы исследования

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе проверке подвергалась гипотеза о динамической организации семантической стороны КЖС. Мы предположили, что при сохранении общего вектора согласованности ориентаций культуры в целом, присущего данной культуре КЖС и индивидуальных автобиографических нарративов его носителей, распределение семантических индикаторов в автобиографических текстах является неравномерным и отражает специфику требований культуры к различным возрастным и ролевым этапам жизни человека (см.

дополнительное обоснование [Нуркова, Днестровская, 2010; Nourkova, Dnestrovskaya, 2011]).

Второй этап исследования был посвящен изучению вопроса о том, завершается ли процесс интериоризации культурного жизненного сценария в отрочестве или кардинальная смена культурного контекста способна спровоцировать новый виток развития автобиографической памяти.

3.2. Методы

Выборка. В исследовании приняли участие 60 человек. На первом этапе исследования были сформированы две группы респондентов – женщин старческого возраста (средний возраст 80 лет). В первую группу, представляющую коллективистически ориентированную субкультуру, вошли 20 респондентов, родившихся и проживших всю жизнь в деревне (жительницы 7 деревень Мантуровского района Костромской области, 570 км от Москвы). Во вторую группу, представляющую индивидуалистически ориентированную субкультуру, – 20 жительниц различных городов РФ, родившихся и проживших жизнь в городских условиях. На втором этапе исследования была сформирована дополнительная выборка из 20 пожилых женщин (средний возраст 79 лет), которые родились и провели детство в деревне, а затем в возрасте 16–20 лет переехали в город, где проживают до сих пор.

Методика. Для эмпирического исследования данной проблемы нами была разработана оригинальная *методика анализа динамики распределения вербальных маркеров культурно-личностных свойств в автобиографических нарративах*. Для того чтобы обеспечить сопоставимость результатов с уже полученными при изучении изолированных воспоминаний данными, мы сфокусировались на анализе представленности в текстах вербальных маркеров «автономного» или «связанного я».

По литературным источникам были выделены следующие маркеры «связанного я» (коллективизма): 1) местоимения – вы, ты, мы, они, он, она, все, кто, который; 2) формы глаголов, описывающие действия других людей, групп людей или группы, к которой принадлежал респондент; 3) имена собственные (кроме имени респондента); 4) существительные, обозначающие близких респондента (например, мать, брат, сват, кум); 5) слова, обозначающие профессию или принадлежность к группе других людей (например, крестьяне, женщины, токари, солдаты).

В качестве маркеров «автономного я» (индивидуализма) были выделены следующие: 1) местоимения: – я, меня, мой, моя, мои, мое, а также – ты, твое, твой, твои, твоя – в случае, если респондент рассказывал о себе во втором лице; 2) в редких случаях также маркерами индивидуализма являлись местоимения он, она, ее, его – если респондент рассказывал о себе в третьем лице; 3) имя собственное респондента, упомянутое им самим в воспоминании; 4) формы глаголов, описывающие действия самого респондента; 5) существительные в единственном числе, описывающие респондента, его состояние в воспоминании, при отсутствии других маркеров (например, «невеста в резиновых сапогах»), в данном случае маркер – слово «невеста».

Методы сбора и анализа данных. Сбор данных проходил в форме свободного рассказа в ответ на инструкцию «Расскажите свою жизнь». Тексты интервью фиксировались на диктофон и далее транскрибировались. Полученные тексты разбивались на отдельные воспоминания и располагались в таблице в хронологическом порядке с указанием даты событий. Затем для каждого респондента по каждому воспоминанию производился расчет количества фраз (разделение на фразы производилось по правилам синтаксиса русского языка), маркеров коллективизма и маркеров индивидуализма. По каждому воспоминанию общее число маркеров нормировалось к числу фраз путем деления числа маркеров каждого типа на число фраз. Таким образом, были рассчитаны первичные коэффициенты коллективизма и индивидуализма для каждого воспоминания респондента (см. табл. 1).

Таблица 1

Пример расчета коэффициентов вербальных индикаторов автономного и связанного я для совокупности воспоминаний автобиографического нарратива респондентки О.Н.Н., 1932 г.р.

Текст – индикатор коллективизма.

Текст – индикатор индивидуализма.

Текст нарратива	Годы	N фраз	N колл.	N инд.	K колл.	K инд.
<i>Я – О...ва, девичья фамилия Ю...ч Нелли Николаевна. Родилась 13 ноября 1932 года на Урале в Свердловске. <u>Жили мы</u> в Челябинске еще до войны.</i>	0–8	3	2	4	0,7	1,3
<i>Когда началась война, <u>мне было</u> 8 лет. Когда началась война в сентябре 41-го года, <u>папа</u> с первых дней в августе месяце <u>ушел добровольцем</u> на фронт. <u>Нас осталось</u> четверо. <u>Мама работала</u> в ОБЛОНО и еще в школе, в библиотеке <u>заведующей</u>. В 1941 году <u>я пошла</u> в школу в 1-й класс, тогда <u>брали</u> с 8 лет.</i>	8	4	9	4	2,25	1
<i>Зима 42-го года была очень страшной, голодной, <u>люди умирали</u> от голода. Не <u>все</u>, конечно, <u>кто</u> как <u>жил</u>. <u>Мой младший братик</u> зимой 42-го года в январе <u>умер</u>, <u>нас осталось</u> трое. А в 42-м году, когда <u>мы голодали</u>, у <u>нас</u> картошки уже не было, и вот на базаре <u>мы</u> на пенсию в 300 рублей, которую <u>мы получали</u> за <u>папу</u>, <u>мы покупали</u> картошку мороженую, черную-черную. Хлеб тогда стоил 400 рублей. <u>Опускали</u> картошку в кипяток, она растворялась там, и <u>мы</u> это <u>ели</u>. И вот во время войны <u>она работала</u> в ОБЛОНО, а в 42-м голодном году <u>она</u> еще <u>подрабатывала</u> в госпитале. <u>Я</u> на всю жизнь <u>запомнила</u>, и вот утром <u>она приносила нам</u> глиняную кринку супа или каши. <u>Мы поедем</u>, и до следующего утра ничего <u>не ели</u>. А уж чем <u>она питалась</u>, бедненькая, уж и не знаю.</i>	9	10	33	5	3,3	0,5
<i><u>Мой брат Лева</u> в 12 лет <u>бросил</u> учебу и <u>пошел</u> работать на завод, потому что там <u>давали</u> паек сухой, и можно было в столовой есть. Рабочим <u>давали</u> 400 грамм хлеба. А чтобы <u>он доставал</u> до станка, <u>подставлял</u> под ноги ящики. А тогда завод был переведен из Волгограда, там танки <u>делали</u>.</i>						
<i>И от обеда <u>брат отказывался</u>, и <u>просил</u> сухой паек, <u>говорил</u>, что у <u>него</u> маленькая <u>сестренка</u>, <u>она</u> голодная и всегда плачет, что есть хочет. А <u>я</u> от голода <u>болела</u>, у <u>меня</u> ноги стали нарывать. <u>Мазали</u></i>	9–10	9	18	7	2	0,8

мне цинковой мазью, до сих пор шрамы от этих нарывов. Неправильный обмен веществ. В школу я не ходила из-за болезни.

В 43-м году папа пришел после госпиталя на побывку на несколько дней. И он привез красный стрептоцид, ему дали в госпитале. Он мне засыпал в раны, и раны затянулись. Папа уехал на фронт, а у меня раны зажили и я пошла в школу.

Нам в 43-м году дали от театра, где папа работал актером, землю в 7 км от города. Брат старший на каникулы приезжал, и мы все втроем ходили сажать картошку, морковь. А рядом были колхозные земли, там рос турнепс. Он был длинный и сладкий-сладкий, и мы потихоньку брали и там ели. Везти его нельзя было, а то маму посадят. А осенью мы ели картошку и другие овощи. В 43-м году стало полегче, в театре стали давать продукты. Когда открыли второй фронт, нам американцы стали посылать продукты. Я помню такие маленькие баночки с мясом, такое вкусное было, в желе.

10 14 36 6 2,6 0,43

Еще в 43-м году, когда с ногами стало легче, на легкие дало осложнение, началась интоксикация.

Старший брат кончил семилетку и поступил в Свердловск в строительный техникум. 14 лет ему было. Мы остались с братом, и бабушка с нами жила. Она ушла, когда устроилась нянчить девочку у богатых людей в своем доме. Она помогала нам, хотя была чужим человеком. Мы к ней ходили с братом, он на три года меня старше, когда хозяева уезжали в командировку. Она накормит нас, даст с собой супу, сухарей, еще чего-нибудь. Она так любила нас и маму, и к нам приходила и приносила что-нибудь поесть. Еще рядом с нами жила тетя Маруся, которая работала на хлебокомбинате. Муж ее погиб на фронте с первых дней войны, и она осталась одна. И вот она приехала и говорит, пусть Левушка приедет к нам на завод, подойдет к забору, и я ему дам буханку хлеба. А ходить нужно было через реку Миасс. Однажды он решил срезать и пошел не по мосту, а по реке и провалился. Пришел весь обледенелый, но хлеб принес. Прохожие его вытащили. Мы очень сильно голодали в то время, я очень плакала и жаловалась, что хочу есть.

11 16 64 5 4 0,3

Меня отправляли на два месяца в санаторий...

11-12 6 12 2 2 0,3

Потом кончилась война, <u>папа пришел</u> после второго ранения весной 45-го года...	12–16	12	49	4	4,1	0,3
А в 48- году <u>мы уехали</u> жить в Магнитогорск...	16–18	3	6	2	2	0,7
А потом я уехала в Свердловск поступать в институт...	18–22	3	0	11	0	3,7
И я уехала в Саратов к маме с папой, и здесь у меня родился <u>сын</u> . <u>Сын Николай родился</u> 3 февраля 56 года...	24	2	6	4	3	2
Я отработала 2 года медсестрой и поступила в Саратовский медицинский институт...	24	1	0	3	0	3
Окончила его благополучно и работала в поликлинике терапевтом...	30–46	1	1	2	1	2
Ну а потом <u>мы уехали</u> на три года в Алжир...	46–49	4	10	1	2,5	0,3
А после этого я снова в эту поликлинику устроилась и ушла работать в военкомат. От поликлиники я работала в Россздраве, к пенсии дело шло, мне уже 50 было. И так я на пенсию вышла 272 рубля. Вот сейчас я получаю 8700.	49–55	4	0	11	0	2,75
<u>Мы прожили с мужем Анатолием Андреевичем</u> на сегодняшний день 57 лет и 4 месяца. А <u>мои родители прожили 60 лет вместе</u> , причем не <u>были</u> зарегистрированы. А когда у <u>них</u> была золотая свадьба, а под <u>нами</u> был ЗАГС. <u>Мы им сказали: «Идите и зарегистрируйтесь»</u> .	81	3	15	1	5	0,3

Примечания. N колл. – количество маркеров коллективизма. N инд. – количество маркеров индивидуализма. K колл. – коэффициент коллективизма. K инд. – коэффициент индивидуализма.

Как видно из приведенного в табл. 1. примера, дискретные субнарративы, составляющие историю жизни, имеют многочисленные хронологические пересечения и повторы. Так, к возрасту 9 лет отнесены два воспоминания «Зима 42-го года была очень страшной, голодной» и «Мой брат Лева в 12 лет бросил учебу и пошел работать на завод», а к возрасту 11 лет «Старший брат кончил семилетку» и «Меня отправляли на два месяца в санаторий». Поэтому для того чтобы создать усредненный профиль временного распределения индикаторов интересующих нас параметров в

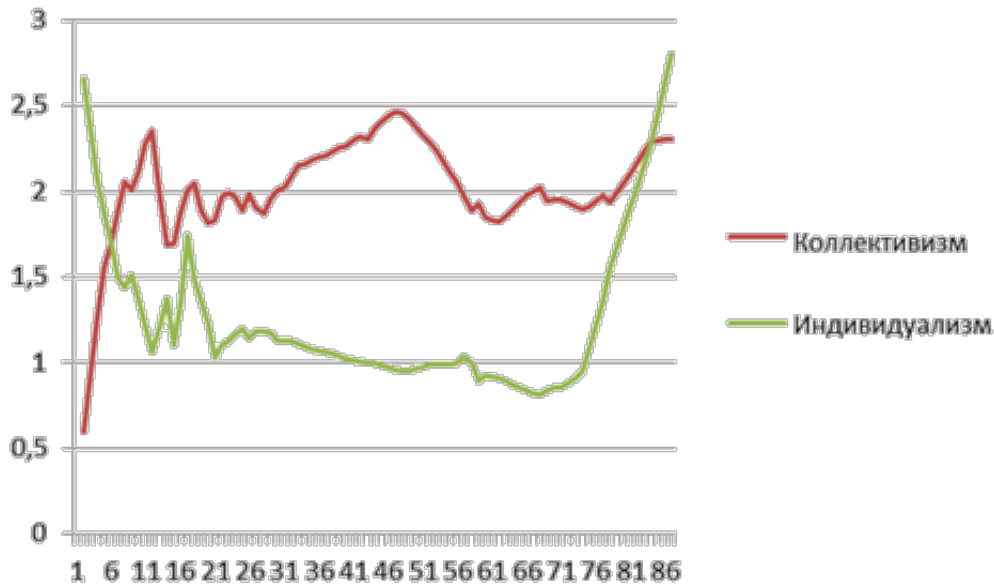

Рис. 3. Семантический профиль насыщенности вербальными индикаторами коллективизма и индивидуализма автобиографических нарративов респонденток, родившихся и проживших всю жизнь в деревне.

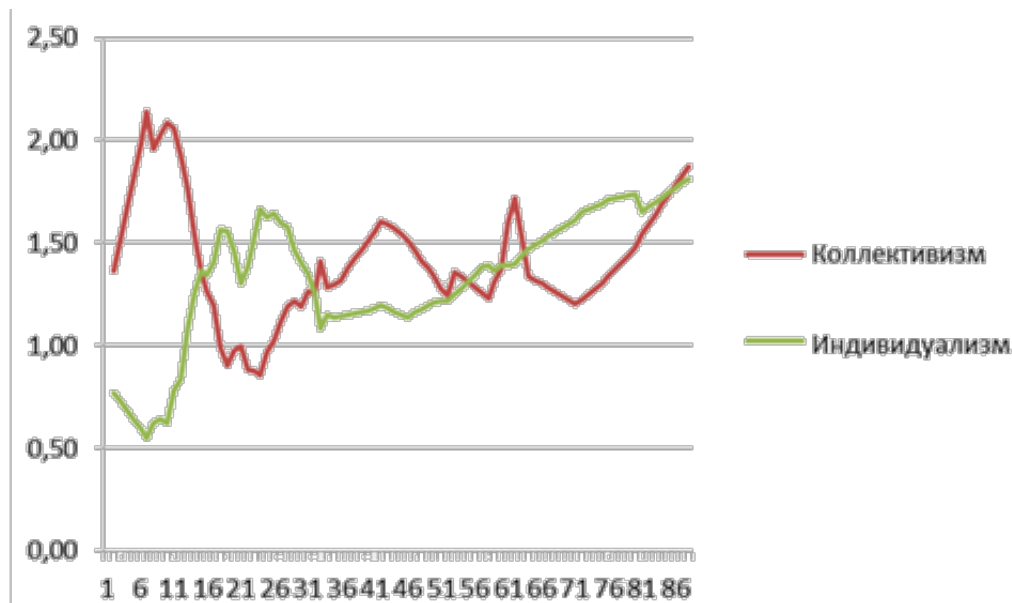

Рис. 4. Семантический профиль насыщенности вербальными индикаторами коллективизма и индивидуализма автобиографических нарративов респонденток, родившихся и проживших всю жизнь в городе.

Как видно из рис. 3, автобиографический нарратив пожилых женщин, родившихся и проживших всю жизнь в деревне, в целом характеризуется постоянным двукратным преобладанием маркеров связанности над маркерами автономности. При этом выраженность автономности практически тождественна респондентам из городской выборки. Однако в двух возрастных периодах насыщенность воспоминаний маркерами автономности превосходит насыщенность маркерами связанности. Кажется парадоксальным, но деревенские респондентки вспоминают раннее детство и старость с позиции автономии. В старческом возрасте наблюдается нарастание обоих показателей, плавное – для связанности и резкое – для автономности, из чего можно сделать предположение об особом статусе детского и старческого возрастов в традиционной культуре.

Автобиографический нарратив пожилых женщин, родившихся и проживших всю жизнь в городе, в целом характеризуется равной насыщенностью маркерами автономности и связанности, за исключением двух возрастных периодов. Однако особенно показательно, что горожанки вспоминают о детстве с позиций связанности. Маркеров автономности в воспоминаниях, относящихся к детству, практически не наблюдается. Уровень автономности в воспоминаниях повышается и несколько превосходит уровень связанности в период 16–32 лет. Затем значения показателей выравниваются. Адекватно говорить о сбалансированном по параметру связанности / автономности сценария зрелости, который выступает совместно с означиванием периода детства с позиции «связанного я» и сценария юности с позиции «автономного я».

3.4. Анализ и интерпретация результатов II этапа исследования

Полученные в первой части исследования результаты поставили перед нами вопрос о том, какой тип культурного жизненного сценария будет отражен в автобиографических нарративах людей, проживших детство в деревенских условиях и, следовательно, интериоризировавших деревенский культурный жизненный сценарий и затем мигрировавших в город. Будут ли они в своих воспоминаниях придерживаться присвоенной при социализации в деревенском контексте модели «автономного детства» и «автономной старости», трансформируют ли они свои нарративы согласно городским моделям или продемонстрируют своеобразный паттерн выраженности этих параметров? Или, если очертить проблему более широко, – завершается ли процесс интериоризации культурного жизненного сценария в отрочестве или кардинальная смена культурного контекста способна спровоцировать новый виток развития опосредствования автобиографической памяти данной идеальной формой?

Для исследования данного вопроса была обследована выборка из пожилых женщин, которые родились и провели детство в деревне, а затем в возрасте 16–20 лет переехали в город. Используя аналогичную описанной выше процедуру сбора и обработки данных, мы получили усредненные семантические профили автобиографических нарративов пожилых женщин, которые в ранней юности мигрировали из деревни в город (рис. 5).

Особый интерес у нас вызывала вероятная пластичность образа детства в воспоминаниях, поскольку, как указывает Н.В.Гришина, ссылаясь на работы известного культуролога К.Клакхона: «Начальный период жизни человека более жестко определяется нормативными установками общества, что связано с необходимостью решения задач эффективной социализации человека в социальном контексте» [Гришина, 2011]. Кроме того, в первой серии исследования нами был зафиксирован особый, «оппозиционный» характер семантики воспоминаний о детстве относительно общей направленности КЖС (индивидуалистичный компонент коллективистического сценария и коллективистичный компонент индивидуалистического сценария). Отсюда следует вопрос об устойчивости диалектического противопоставления памяти о детстве по отношению к памяти об остальной жизни после изменения культурного контекста и, следовательно, реализуемого КЖС.

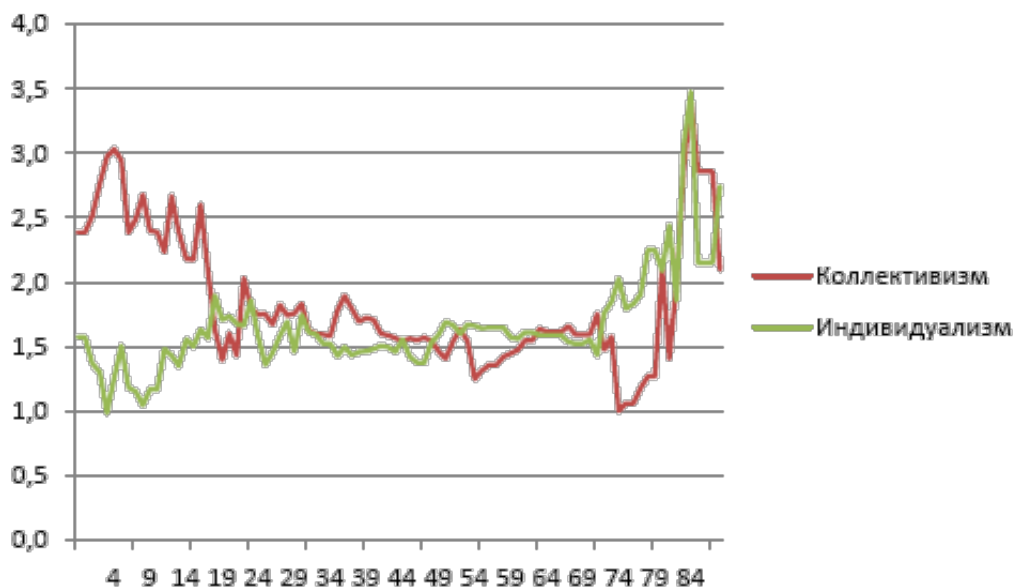

Рис. 5. Семантический профиль насыщенности вербальными индикаторами коллективизма и индивидуализма автобиографических нарративов респонденток, родившихся в деревне и в юности мигрировавших в город.

Как видно из рис. 5, автобиографический нарратив респонденток, родившихся в деревне и в молодости переехавших в город, в целом характеризуется равной насыщенностью маркерами автономности и связанности, выраженной несколько выше, чем у городской группы ровесников. Для представителей мигрантной группы характерен «гибридный» тип жизненного сценария, который частично тяготеет к городскому, а частично к деревенскому типу.

Вспоминая о своем детстве, представители данной группы реализуют «городскую» модель «связанного детства». В отличие от деревенских респонденток, у которых объем воспоминаний о детстве невелик, представители мигрантной группы продуцируют большое количество воспоминаний о детстве, включающих описания социальных связей. При этом мы видим, что деревенские жительницы вспоминают о своем детстве гораздо индивидуалистичнее в сравнении с мигрантами. Более того, различна сама динамика как индивидуализма, так и коллективизма в их воспоминаниях о детстве. Складывается впечатление, что мигранты утрируют коллективистичность своего детства и строят свое представление о нем, опираясь не на опыт, а скорее на городской стереотип о деревенской жизни.

Полученные данные можно проинтерпретировать исходя из того, что для людей деревенского происхождения, которые в юности переехали в город, овладение ценностями городской культуры, и в частности культурным жизненным сценарием, является специальной задачей в рамках культурной адаптации. Успех в решении данной задачи переживается как личное достижение. В связи с этим в воспоминаниях о периоде до смены места жительства наблюдается гиперболизация городского образца истории, что делает воспоминания значительно более «городскими», чем воспоминания коренных горожан.

Относительно воспоминаний о старости у мигранток наблюдается паттерн, противоположный деревенской выборке. Выражен достаточно резкий подъем количества вербальных маркеров социальной связанности при снижении количества маркеров автономности. Динамика маркеров индивидуализма в воспоминаниях о недавнем прошлом схожа в обеих выборках. Однако можно предположить, что за внешним сходством скрывается различная психологическая реальность. Если допустить, что для сельских по происхождению горожанок нарастание индивидуалистичной семантики в рассказах о пожилом возрасте представляет собой реакцию на разрыв социальных связей в профессиональной сфере, то у деревенских жительниц индивидуализм возрастает на фоне

стабильно высокого коллективизма. Исходя из этого, у деревенских женщин причиной роста ценностной насыщенности маркерами индивидуализма может быть осознание особого статуса старческого возраста в деревенской культуре и поворот к религиозным ценностям, которые по своему существу высоко индивидуалистичны.

Можно предположить, что в мигрантной группе в воспоминаниях о пожилом возрасте присутствует конфликт – поскольку представители данной группы не находят того ожидаемого уровня почтения к старости который был ими интериоризован в их деревенском детстве, они пытаются компенсировать его за счет доопределения своей личности в системе социальных связей. В связи с тем что происходит рассогласование между вынесенными из детства ожиданиями относительно роли пожилого человека и жизненными реалиями, самооценка значимости своей активности как изолированного субъекта у них снижается. Таким образом, КЖС представителей мигрантной группы носит наименее согласованный характер. Вероятно, он является наиболее проблемным с точки зрения психологической адаптации в пожилом возрасте.

Полученный результат, по нашему мнению, можно концептуализировать как эффект восстановления влияния исходного интериоризованного в детстве культурного жизненного сценария. По нашему мнению, это связано с несовпадением ожиданий горожанок деревенского происхождения относительно статуса старика в городской культуре с реальной жизненной практикой. Именно в связи с этим мы наблюдаем эскалацию деревенского образца рассказа о себе, с резким повышением как коллективизма, так и индивидуализма, который схож по форме, но превосходит по интенсивности деревенский прототип.

Данные о пластичности автобиографического нарратива поддерживают тезис о том, что процесс опосредствования автобиографической памяти и личности с помощью присвоения культурного жизненного сценария не обязательно завершается в подростковом возрасте. В случае существенного изменения культурного контекста, требующего трансформации личности для адаптации к новым условиям, складывается социальная ситуация развития, инициирующая повторный цикл овладения альтернативными по структуре и содержанию моделями биографии человека. Происходит переход не от непосредственного способа осуществления психической функции к опосредствованной, а от одной формы опосредствования к другой, более адекватной наличной ситуации.

В работе «Мышление и речь» Выготский указывает на возможность подобного процесса: «Подобно тому, как усвоение нового языка происходит не через новое обращение к предметному миру и не путем повторения уже сделанного процесса развития, а совершается через другую, прежде усвоенную речевую систему, стоящую между вновь усваиваемым языком и миром вещей, – подобно этому и усвоение системы научных понятий возможно не иначе, как через такое опосредованное отношение к миру объектов, не иначе, как через другие, прежде выработанные понятия» [Выготский, 1982, т. 2, с. 204–205].

В случае перестройки автобиографической памяти перестраивается не только образ себя в настоящем времени, но и образы себя в прошлом. В соответствии с вновь присвоенной системой средств формируется новая диахроническая система самосознания. Поскольку КЖС реализуется в автобиографическом нарративе, процесс и результат указанного «переопосредствования» наблюдается в эволюции рассказа о своем личном прошлом. Можно сказать, что человек «пересказывает» свое прошлое на языке обретенных в этом процессе значений.

Выводы

Таким образом, теоретический анализ и результаты проведенных нами эмпирических исследований на трех группах респондентов с применением разработанной оригинальной методики анализа

динамики распределения вербальных маркеров культурно-личностных свойств в автобиографических нарративах позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Культурный жизненный сценарий как фактологический уровень организации обобщенного концепта судьбы представляет собой культурную модель последовательности наиболее значимых для жизни человека событий.
2. Автобиографический нарратив является индивидуальной реализацией присущего конкретной культурной общности культурного жизненного сценария и интегрирует в себе сценарные воспоминания с корректировкой со стороны индивидуальной эмпирики жизненного опыта.
3. Автобиографические нарративы представителей культурных общностей различны относительно дифференцирующих культуры параметров, в частности коллективизма и индивидуализма, отличны по параметрам номенклатуры, хронологии и семантики их событийного содержания.
4. Предписания культурного жизненного сценария относительно различных возрастных и ролевых этапов жизни человека имеют динамичный характер при сохранении общего вектора согласованности с ориентацией культуры в целом.
5. На материале автобиографических нарративов носителей одного языка – пожилых представительниц городской и деревенской культурных общностей – показано, что присутствующий в культурном жизненном сценарии способ самоопределения в координатах автономности – связанности варьирует для различных возрастных этапов развития человека. При этом в жизненном сценарии, в целом ориентированном на конституирование «автономного я», присутствуют периоды с ярко выраженными предписаниями связанности (период детства и старости в городском сценарии). И, наоборот, в жизненном сценарии, в целом ориентированном на «связанное я», присутствуют периоды с повышенными требованиями к автономности (детство и старость в деревенском сценарии).
6. Автобиографические воспоминания, воплощающиеся в автобиографическую историю жизни, являются пластичными.
7. Воспоминания об отдаленных от момента наррации периодах жизни создаются в соответствии с актуальной на сегодняшний день идентичностью и выражают параметры того культурного жизненного сценария, который господствует в текущем культурном контексте. В связи с этим воспоминания мигрировавших в юности из деревни в город респонденток о деревенском детстве, вопреки способу проживания этого жизненного этапа, воспроизводятся по «городской» модели.
8. На материале автобиографических нарративов респонденток, мигрировавших в юности из деревни в город, обнаружен эффект восстановления влияния исходного интериоризированного в детстве культурного жизненного сценария, что проявляется эскалации деревенского образца рассказа о себе, с резким повышением как коллективизма, так и индивидуализма, который схож по форме, но превосходит по интенсивности деревенский прототип.
9. Процесс переопосредствования субъективной картины жизненного пути с помощью интериоризированного культурного жизненного сценария может происходить неоднократно в течение жизни человека. В случае существенного изменения культурного контекста может сложиться социальная ситуация развития, инициирующая повторный цикл овладения альтернативными по структуре и содержанию моделями биографии человека.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых, проект МД-3423.2011.6.

Литература

- Алюшева А.Р. Взаимосвязь успешности овладения культурным жизненным сценарием с уровнем развития автобиографической памяти. В кн.: Знак как психологическое средство: субъективная реальность культуры: материалы XII международных чтений памяти Л.С.Выготского, 2011, 14–17 ноября, Москва: Институт психологии им. Л.С.Выготского РГГУ, 2011. С. 201–205.
- Брунер Дж. [Bruner J.] Жизнь как нарратив. Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход, 2005, 1(2), 9–29.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений. М.: Педагогика, 1982–1984. Т. 1–6.
- Гришина Н.В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация. Психологические исследования, 2011, No. 3(17), 6. <http://psystudy.ru>.
- Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000.
- Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности. Мир психологии, 2004, No. 2, 77–87.
- Нуркова В.В. Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода. Культурно-историческая психология, 2008, No. 1, 17–25.
- Нуркова В.В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: Автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода. Развитие личности, 2010, No. 1, 90–112.
- Нуркова В.В. Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии: результаты и перспективы исследования. Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология, 2011, No. 1, 79–91.
- Нуркова В.В., Днестровская М.В. Психологический анализ культурного жизненного сценария в автобиографических нарративах старообрядцев. В кн.: Маргиналии-2010: границы культуры и текста: тез. докл. II международной конференции, 2010, 25–26 сентября, Каргополь. С. 165–168.
- Нуркова В.В., Днестровская М.В. Русские бабушки: О векторе нарастания индивидуализма в автобиографическом нарративе. В кн.: Тез. докл. IX конгресса этнографов и антропологов России, 2011, 4–8 июля, Петрозаводск. С. 13.
- Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Сгущения в субъективной картине прошлого. Психологический журнал, 2005, 26(2), 22–32.
- Франкл В. [Frankl V.] Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Berntsen D., Rubin D.C. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory. Memory and Cognition, 2004, 32(3), 427–443.
- Bluck S., Habermas T. Extending the study of autobiographical memory: Thinking back about life across the life span. Review of General Psychology, 2001, 5(2), 135–147.
- Bohn A., Berntsen D. Life story development in childhood: The development of life story abilities and the acquisition of cultural life scripts across late middle childhood and adolescence. Developmental

Psychology, 2008, 44(4), 1135–1147.

Conway M.A., Wang Q., Hanyu K., Haque S. A cross-cultural investigation of autobiographical memory on the universality and cultural variation of the reminiscence bump. *Journal of cross-cultural psychology*, 2005, 36(6), 739–749.

Conway M.A. Memory and the self. *Journal of Memory and Language*, 2005, 53(4), 594–628.

Demuth C., Chaudhary N., Keller H. Memories of me: Comparisons from Osnabrueck (Germany) and Delhi (India) students. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 2011, 45(1), 48–67.

Gluck J., Bluck S. Looking back across the life span: A life story account of the reminiscence bump. *Memory and Cognition*, 2007, 35(8), 1928–1939.

Habermas T., Bluck S. The life story schema. *Motivation and Emotion*, 2000, 24(2), 121–147.

Harpaz-Rotem I., Hirst W. The earliest memory in individuals raised in either traditional and reformed kibbutz or outside the kibbutz. *Memory*, 2005, 13(1), 51.

Hofstede G., Hofstede G.J. *Cultures and organizations: Software of the mind: Intercultural cooperation and its importance for survival*. New York: McGraw-Hill, 2004.

Janssen S.M.J., Rubin D.C. Age effects in cultural life scripts. *Applied Cognitive Psychology*, 2010, 25(2), 291–298.

Jobson L., O'Kearney R. Cultural differences in retrieval of self-defining memories. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2008, 39(1), 75–80.

Kagitcibasi C. *Family, self and human development across cultures: Theory and Applications*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 2007.

Kim U., Triandis H.C., Kagitcibasi C., Choy S.C., Yoon G. *Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. Newbury Park, CA: Sage, 1994.

Nourkova V.V., Dnestrovskaya M.V. On the mediation of individualistic / collectivistic dimension of personality by dynamical cultural life script. Paper presented at the Congress of the International Society for Cultural and Activity Research (ISCAR), Rome, Italy, 2011, September 5–10.

Rubin D., Berntsen D., Hutson M. The normative and the personal life: Individual differences in life scripts and life story events among USA and Danish undergraduates. *Memory*, 2009, 17(1), 54–68.

Schwartz S.H. Basic human values: Their content and structure across countries. In: A. Tamayo, J. Porto (Eds.), *Valores e comportamento nas organizações [Values and behavior in organizations]*. Petrópolis, Brazil: Vozes, 2004. pp. 21–55.

Singer J.A., Salovey P. *The remembered self: Emotion and memory in personality*. New York: The Free Press, 2003.

Wang Q. Being American, being Asian: the bicultural self and autobiographical memory in Asian Americans. *Cognition*, 2008, 107(2), 743–751.

Примечания

[1] Понятие самоопределяющих воспоминаний (self-defining memories) было предложено Дж.Сингером и Ф.Саловейем [Singer, Salovey, 1993, 2003] для обозначения специфического типа воспоминаний, отражающих личностные свойства и нерешенные конфликтные ситуации их носителя.

Поступила в редакцию 15 августа 2012 г. Дата публикации: 22 октября 2012 г.

[Сведения об авторах](#)

Нуркова Вероника Валерьевна. Доктор психологических наук, профессор; Московский психолого-педагогический университет; кафедра общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: nourkova@mail.ru

Днестровская Мария Владимировна. Психолог-специалист, выпускница кафедры общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: mariadnestr@gmail.com

Михайлова Ксения Сергеевна. Аспирант, кафедра общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: ksynya@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта. Психологические исследования, 2012, 5(25), 2. <http://psystudy.ru>

ГОСТ 2008

Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 25. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)